18+

Горбачев. Анатомия перестройки

Антон Шадура

Горбачев. Анатомия перестройки

«Издательские решения»

Шадура А. А.

Горбачев. Анатомия перестройки / А. А. Шадура — «Издательские решения»,

Работа анализирует перестройку как систему из десяти механизмов, показывающих, почему реформа сверху превратилась в неуправляемый распад. Горбачёв представлен «разрушителем поневоле»: реформатором внутри системы, не производящей реформаторов. Автор доказывает, что развилка была не в 1989–1991 годах, а раньше: реформировать такую систему её же средствами было невозможно.

© Шадура А. А.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
1. Гласность как выпуск пара: контролируемое освобождение 7
2. Ускорение как имитация движения: лозунг вместо программы 10
3. Перестройка как реформа без реформы: изменение системы её же средствами 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Горбачев. Анатомия перестройки

Составитель Антон Шадура
Автор-составитель Антон Анатольевич Шадура
Иллюстратор Шедеврум Про shedevrum.ai/@shaduraanton

© Антон Шадура, составитель, 2026

ISBN 978-5-0071-5912-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Эта работа — симбиоз эссе и аналитического подхода. Аналитическая часть отвечает за структуру: десять ключей, каждый из которых описывает отдельный механизм системы, и связка между ними. Эссеистическая — за оптику: не претензия на исчерпывающую историографию, а попытка увидеть эпоху как единый механизм, где детали важны не сами по себе, а как проявления общего.

Десять ключей описывают не биографию Горбачёва и не хронику перестройки. Они описывают механику обрушения: как реформа, начатая сверху, превратилась в процесс, который реформаторы не контролировали. Каждый ключ — отдельный механизм. Вместе они образуют систему, где одно вытекает из другого и ведёт к концу.

Я не утверждаю, что эти ключи объясняют всё. Я утверждаю, что они объясняют, почему попытка реформировать систему привела к её распаду. Не потому, что реформатор был слаб или глуп. А потому, что система не поддавалась реформированию — и сопротивлялась не только извне, но и изнутри самой попытки.

Почему именно эти ключи? Потому что Горбачёв — не продолжатель и не разрушитель в прямом смысле. Он — реформатор внутри системы, которая не производит реформаторов. Его правление — не эпоха и не застой. Это попытка. Попытка, которая не удалась, но без которой не было бы ни свободы, ни распада.

Ключи выстроены по логике движения от замысла к обрушению. Первые шесть описывают, что делал Горбачёв: гласность как выпуск пара, ускорение как имитацию движения, перестройку как реформу без реформы, новое мышление как компенсацию, идеализм как веру в реформируемость, реформатора как исключение. Последние четыре — что ему противостояло и что из этого вышло: национальный вопрос как разбуженную силу, политическое строительство как институт-обгон, экономику как переход без карты, аппаратное сопротивление как саботаж.

Оговорюсь сразу: это интерпретация, а не документ. Историки спорят о Горбачёве до сих пор: одни видят в нём великого реформатора, другие — могильщика СССР, третьи — жертву обстоятельств. Эта работа — четвёртая позиция: Горбачёв как реформатор, чья попытка была обречена не из-за личных качеств, а из-за структурной невозможности реформировать систему её же средствами.

И ещё одно, о чём стоит сказать до начала. Я не утверждаю, что развилки не было. Я утверждаю, что развилка была не там, где её ищут. Спорят о том, мог ли Горбачёв действовать иначе в 1989-м или 1991-м. Но настоящая развилка — раньше: можно ли вообще было начать реформу, не запуская механизм, который ведёт к распаду. Мой ответ: нельзя. Всё, что дальше, — не выбор между траекториями, а выбор между скоростями движения по одной.

1. Гласность как выпуск пара: контролируемое освобождение

1.1. Замысел

Гласность не была задумана как свобода. Она была задумана как клапан. Система накопила пар — экономический, социальный, национальный — и этот пар нужно было выпустить. Ограниченная открытость должна была снизить давление, не разрушая структуру. Горбачёв говорил о «социалистическом плюрализме», а не о свободе слова. Он хотел расширить рамки, а не снять их.

Важно, однако, что гласность 1986 года и гласность 1989 года — это не одно и то же. В 1986-м это была политика в рамках аппаратной логики: разрешить критику там, где она укрепляет позиции реформаторов в Политбюро. В 1987-м — инструмент давления на консерваторов через прессу. В 1989-м — уже самостоятельная сила, которую никто не контролировал. Механизм один, но его состояния разные. Клапан, открытый на четверть оборота, и клапан, сорванный с резьбы, — разные вещи, даже если это один клапан.

1.2. Механизм

Но клапан, открытый однажды, не закрывается. Гласность запустила процесс, который не поддавался дозировке. Сначала разрешили критиковать местных чиновников. Потом — министров. Потом — Сталина. Потом — Ленина. Потом — систему. Каждый шаг казался логичным продолжением предыдущего, но вместе они вели к одному: к делегитимации всего, на чём держалась власть.

Здесь работает не только логика клапана, но и логика прецедента. Раз критику можно, значит, критику можно всегда. Раз можно критиковать Сталина, почему нельзя Ленина? Раз можно Ленина, почему нельзя систему? Система не могла остановиться, потому что остановка означала признание: то, что было сказано раньше, было сказано зря. А признать это — значит признать, что гласность не была политикой, а была уступкой. Уступка же — не политика. Это признание слабости.

1.3. Чернобыль: случайность как катализатор

Авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года — не «пример гласности». Это случайность, которая стала катализатором. Если бы не Чернобыль, гласность пошла бы иначе — медленнее, осторожнее, возможно, с иными последствиями. Чернобыль не создал гласность. Он её ускорил и радикализировал, потому что впервые поставил власть перед фактом, который нельзя было замолчать: радиоактивное облако не подчиняется постановлениям ЦК.

Первоначально информация о катастрофе была ограниченной и дезинформирующей. Это вызвало критику даже внутри страны. Постепенно пресса начала освещать последствия честнее — и это подорвало доверие к официальным заявлениям власти. Но подорвало не потому, что пресса стала свободной, а потому, что ложь стала очевидной. Чернобыль показал: система лжёт не потому, что хочет, а потому, что не умеет иначе. Это было страшнее любой критики.

1.4. Афганистан: правда, ставшая приговором

Освещение войны в Афганистане — другой пример. Начиная с лета 1985 года, оно становилось всё честнее, что нанесло удар по престижу вооружённых сил. К 1987 году уровень критического восприятия войны среди населения значительно вырос. Серия статей Артёма Боровика в «Огоньке» стала ярким примером такого честного репортажа. Когда руководство приняло решение о выводе войск, пресса получила возможность освещать войну с большей честностью.

Но здесь важно не то, что правда была сказана. Важно то, что она была сказана вовремя — то есть тогда, когда система уже не могла её отрицать. Афганистан не разрушил доверие к армии. Он его обнажил. Доверие было подорвано раньше — молчанием. Гласность лишь произнесла вслух то, что и так знали.

1.5. Результат

Гласность вскрыла не надежды, а раны. Чернобыль, Афганистан, репрессии, дефицит, привилегии номенклатуры — всё то, о чём молчали десятилетиями, вышло наружу почти одновременно. Система думала, что говорит с обществом. На деле она говорила с нациями, с республиками, с людьми, которые давно перестали верить. Гласность была не свободой, а правдой. А правда о системе была приговором системе.

Но приговор — это ещё не исполнение. Приговор можно было обжаловать, отсрочить, смягчить. Гласность создала условия для распада, но не сделала его неизбежным. Неизбежным его сделало соединение гласности с тремя другими механизмами: ускорением без направления, перестройкой без содержания и экономикой без карты. Гласность была первым ключом. Она открыла дверь. Но за дверью была не свобода, а пустота — и пустоту надо было чем-то заполнить. Система не смогла.

2. Ускорение как имитация движения: лозунг вместо программы

2.1. Первый год

«Ускорение социально-экономического развития» — так назывался курс, провозглашённый в апреле 1985 года. Это был лозунг, а не программа. Горбачёв начал с призыва к движению, не определив направление. Ускорение предполагало, что система работает плохо, но может работать лучше. Оно не предполагало, что система работает так, как может, — и что дело не в скорости, а в конструкции.

Это важно: ускорение 1985 года и ускорение 1987 года — разные вещи. В 1985-м это была аппаратная мобилизация: «работать лучше, быстрее, эффективнее». В 1986-м — уже кампанейщина: антиалкогольная, чернобыльская, афганская. К 1987-му лозунг выдохся, потому что стало ясно: ускорять нечего. Система не медленная. Она неподвижная. А неподвижность не лечится скоростью.

2.2. Антиалкогольная кампания

Первой крупной акцией стала антиалкогольная кампания, начатая в мае 1985 года. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» было принято 7 мая 1985 года. Кампания предполагала пропаганду трезвости, создание «зон трезвости», обществ трезвости и даже «безалкогольных свадеб».

Это показательно: система не умела решать экономические проблемы — она умела их запрещать. Запрет не создал ничего — он отнял. Были уничтожены уникальные сорта винограда. Доходы от пищевой промышленности упали до 35 млрд рублей в 1987 году (с 60 млрд в предыдущие годы). По оценке председателя Совета Министров СССР Н. Рыжкова, страна потеряла около 62 млрд рублей. Цены на водку выросли, часть алкогольных магазинов закрылась.

Однако у кампании были и некоторые положительные результаты: продолжительность жизни увеличилась, производство несколько поднялось, рождаемость выросла, смертность уменьшилась. Но в целом кампания была не реформой, а морализаторством. Она показала, что власть не понимает, как работает экономика, — и что она будет действовать привычными методами даже тогда, когда они вредят.

Это первый пример того, что станет законом всей перестройки: система принимает решения, которые выглядят как реформа, но по сути являются привычной реакцией. Аппарат не реформируется — он мобилизуется. А мобилизация без изменения структуры — это бег на месте. Причём бег с препятствиями.

2.3. Механизм

Ускорение было имитацией движения. Система имитировала реформу, потому что не знала, как её провести. Она ускорялась, но не меняла курс. А ускорение без плана — это бег

на месте. Через два года лозунг был забыт. Его сменила «перестройка» — слово, которое тоже не было программой, но звучало глубже.

Здесь стоит задать вопрос, который обычно не задают: а что было бы, если бы ускорение сопровождалось реформой? Если бы Горбачёв начал с хозрасчёта, а не с антиалкогольной кампании? Ответ, вероятно, такой: ничего бы не изменилось. Система не приняла бы хозрасчёт так же, как не приняла антиалкогольную кампанию. Она саботировала бы его в исполнении. Разница лишь в том, что антиалкогольная кампания дала видимый провал, а хозрасчёт — невидимый саботаж. И то, и другое — смерть реформы. Просто с разной скоростью.

3. Перестройка как реформа без реформы: изменение системы её же средствами

3.1. Что это было

«Перестройка» — центральное понятие эпохи, но у него никогда не было точного содержания. Это было название процесса, а не его описание. Перестройка предполагала изменение системы — но не её замену. Горбачёв хотел реформировать социализм, а не отменить его. Он искал «больше социализма», а не «меньше».

Здесь важно различать этапы. Перестройка 1987 года — это хозрасчёт, кооперация, «больше социализма». Перестройка 1988 года — это уже политическая реформа: Съезд, отмена 6-й статьи, президентство. Перестройка 1989—1990 годов — это неуправляемый процесс, где реформаторы теряют контроль. Одно слово, три разных содержания. И ни одно из них не было программой.

3.2. Хозрасчёт и кооперация: два двигателя, которые не могли работать вместе

3.2.1. Хозрасчёт: попытка дать предприятию свободу, не давая ему рынка

30 июня 1987 года был принят Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)». Это был центральный документ экономической части перестройки. Закон определял предприятие как «социалистического товаропроизводителя», который производит и реализует продукцию на основе полного хозрасчёта, самофинансирования и самоуправления.

На практике это означало следующее. Предприятие получало хозрасчётный доход — часть прибыли, остающуюся после обязательных взносов государству. Этот доход становился источником не только оплаты труда, но и производственного и социального развития предприятия. Коллектив получал право самостоятельно распоряжаться этой частью прибыли — в теории.

С 1 января 1988 года на полный хозрасчёт и самофинансирование начали переводиться предприятия ряда министерств, в частности Министерства по производству минеральных удобрений (постановление Совета Министров СССР от 17 августа 1987 г. №943). В 1988—1989 годах к ним добавились строительные организации, научно-исследовательские институты и предприятия энергетики.

Но здесь крылось фундаментальное противоречие. Закон о предприятии вступил в силу с января 1988 года, однако условий, необходимых для его реализации, всё ещё не было. Предприятие получало свободу распоряжаться прибылью — но не получало свободы покупать сырьё, оборудование и материалы. Материально-техническое снабжение оставалось фондируемым и распределялось через Госплан и министерства. Предприятию предписывалось, что производить, из чего производить, у кого получать сырьё и кому поставлять продукцию. Хозрасчёт без рынка средств производства был декорацией. Предприятие могло распоряжаться деньгами — но не могло на эти деньги купить то, что ему нужно.

Итог: закон оставался «во многом декларативным». Хозрасчёт дал предприятиям право на доход, но не дал права на действие. А право на доход без права на действие — это не свобода, а имитация свободы.

3.2.2. Кооперация: легализация частной инициативы под чужим именем

26 мая 1988 года Верховный Совет СССР принял Закон «О кооперации в СССР» (№8998-XI). Этот закон был подготовлен на фоне острейшей общественной дискуссии в печати, за которой пристально следили в ЦК. Формально он развивал «ленинские идеи о кооперации». Фактически — восстанавливал права частной собственности, замаскированной в обличье «кооперативной формы собственности».

Закон разрешал создавать кооперативы в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и общественном питании, в сфере платных услуг и других отраслях. Кооперативам предоставлялось право ведения внешнеэкономической деятельности, включая экспортно-импортные операции и приграничную торговлю.

Ключевыми были две статьи. Статья 10 гласила: «Вмешательство в хозяйственную или иную деятельность кооперативов со стороны государственных органов не допускается». Статья 25 устанавливала: «Кооператив самостоятельно определяет формы и системы оплаты труда членов кооператива». Это была революция в сознании для страны, где партия более полувека «направляла и руководила» всем — от посадки свёклы до литературы.

Статья 23, пункт 5 разрешала союзам кооперативов создавать хозрасчётные отраслевые или территориальные кооперативные банки. Это был прямой вызов государственной банковской монополии. Накануне перестройки в СССР было три банка — Госбанк, Стройбанк и Внешторгбанк. К концу 1980-х банковская система была реформирована, появилось шесть банков. Но кооперативные банки шли дальше: они создавали параллельную финансовую инфраструктуру.

Закон вступил в силу 1 июля 1988 года. К моменту его принятия только в Москве уже насчитывалось около 550 кооперативов, созданных в порядке эксперимента. Старт дали постановления Совета Министров СССР от февраля 1987 года №№160, 161 и 162 — о создании кооперативов по бытовому обслуживанию, производству товаров народного потребления и общественному питанию.

Осенью 1987 года в павильоне «Стройэкспо» на Фрунзенской набережной прошла выставка первых изделий кооперативов: «варёные» джинсы, кроссовки а-ля «Адидас», видеокассеты, футболки с надписями «А я упрямо люблю „Динамо“» и изображениями кота Леопольда и Микки Мауса в цветах советского и американского флагов — «Давайте жить дружно».

3.2.3. Динамика: от 13,9 тысяч до 193 тысяч

Статистика кооперативного движения впечатляет. На 1 января 1988 года в СССР действовало 13,9 тыс. кооперативов. На 1 января 1990 года — уже 193 тыс. Численность работников выросла со 156 тыс. человек в 1988 году до 4,9 млн. в 1990-м. Объём продукции в годовом исчислении вырос с 350 млн рублей в 1988 году до 40,4 млрд рублей в 1989 году. В 1988 году доля кооперативов в ВНП составляла менее 1%, в 1989-м — уже 4,4%.

Но за этими цифрами скрывалась парадоксальная структура. К середине 1989 года производством потребительских товаров и бытовым обслуживанием населения было занято 45,5% кооперативов. Примерно столько же — 46,6% — занимались иными видами деятельности. Из 40,3 млрд. рублей выручки кооперативов в 1989 году непосредственно населению было реализовано продукции и услуг всего на 6,2 млрд. — 15,3%. В общем объёме розничного товарооборота продукция кооперативов составляла менее 1%.

Иными словами, кооперативы не столько наполняли потребительский рынок, сколько перекачивали ресурсы. Значительная часть кооперативов прирастала не с нуля, а в результате преобразования в кооперативы действовавших государственных предприятий и их подразделений. Кооперативы, созданные таким путём, обеспечивали дополнительный доход не за счёт снижения издержек, а посредством удорожания продукции. Цены на товары, реализованные кооперативами, были в 2 раза выше государственных розничных цен (в 1985 году — в 2,2 раза).

3.2.4. Теневой симбиоз: как кооперативы стали каналом вывода ресурсов

Ключевой парадокс заключался в том, что 80% кооперативов были созданы при государственных предприятиях и фактически служили легальными каналами вывода ресурсов из этих предприятий. Уход от налогов, доступ к дефицитным фондам снабжения, проводка через кооперативы сбыта продукции госпредприятий — всё это становилось возможным благодаря коррупционному симбиозу между кооператорами, менеджментом госпредприятий, местной партийно-государственной номенклатурой, чиновниками отраслевых министерств, представителями правоохранительных органов и криминальными структурами.

Закон о кооперации фактически легализовал теневой бизнес. В 1989 году превышение снятых с банковских счетов денег над внесёнными составило 19 млрд. рублей. За первое полугодие 1990 года эта цифра продолжила расти. Только за 1989 год государственными предприятиями и организациями кооперативам было перечислено, а затем получено наличными 20,6 млрд. рублей, а возвращено в виде проданной продукции за наличный расчёт — лишь 1 млрд.

Это была не торговля. Это была финансовая эвакуация ресурсов из госсектора в кооперативный. Кооперативы стали не столько производителями, сколько посредниками — механизмом перекачки дефицитных ресурсов, сырья и фондов из плановой экономики в рыночную, где они перепродавались по завышенным ценам.

3.2.5. Паразитизм с обеих сторон

Кооперация была разрешена там, где её не было раньше. Она не заменяла плановую экономику — она существовала рядом с ней. Это создавало не рынок, а параллельную реальность. Кооперативы работали по одним законам, госпредприятия — по другим. Две системы не конкурировали. Они сосуществовали, пока одна не начала пожирать другую.

И это пожирание было не реформой, а паразитизмом — с обеих сторон. Госпредприятия использовали кооперативы для вывода ресурсов и ухода от налогов. Кооперативы использовали госпредприятия для доступа к дефицитным фондам и сбыту. Обе системы питались друг другом, разрушая друг друга. Плановая экономика теряла ресурсы через кооперативы. Кооперативы не создавали новой стоимости — они перераспределяли старую. В результате обе системы слабели — и ни одна не становилась сильнее.

3.2.6. Несовместимость хозрасчёта и кооперации

Хозрасчёт и кооперация были задуманы как два двигателя одной реформы. Хозрасчёт должен был оживить государственные предприятия. Кооперация — наполнить рынок товарами и услугами. Но они работали против друг друга.

Хозрасчёт давал предприятию право на доход, но не давал права на рынок. Кооперация давала рынок — но забирала у предприятия ресурсы через теневые схемы. Предприятие, переведённое на хозрасчёт, обнаруживало, что его прибыль утекает через кооперативы, созданные при нём же. Кооперативы, созданные для наполнения рынка, обнаруживали, что рынок — это не свобода, а дефицит, который они же и усугубляли.

Хозрасчёт без рынка средств производства был декорацией. Кооперация без рыночной инфраструктуры была каналом вывода ресурсов. Вместе они создавали не переход к рынку, а систему, где ресурсы утекали из планового сектора в теневой, не создавая ни рынка, ни плана. Плановая экономика разрушалась хозрасчётом. Рыночная экономика не создавалась кооперацией. Оставалась пустота — которую заполняли теневые схемы, бартер и криминал.

3.2.7. Результат: разложение госсектора

Экспансия кооперативов, как никакая другая экономическая мера горбачёвского руководства, способствовала разложению госсектора. Данные о росте объёма продукции кооперативов коррелируются с показателями спада производства в госсекторе. В нерыночной системе появилось множество квазирыночных акторов, которые начали использовать её прорехи и законодательные лакуны для достижения максимальной прибыли. Эти акторы процветали на разложении старой, иерархически организованной командно-административной системы, но для становления новой, рыночной системы давали минимум — в лучшем случае стартовый капитал, специфический опыт и связи.

Кооперация не создала рынок. Она создала класс посредников, который жил за счёт разницы между плановыми и рыночными ценами, между государственным и частным сектором, между законом и тенью. Этот класс не производил — он перераспределял. Он не строил новую экономику — он разбирал старую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.